На правах рукописи

Родин Кирилл Александрович

ЭТИКА Л. ВИТГЕНШТЕЙНА В КОНТЕКСТЕ ПОСТМЕТАФИЗИКИ ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКОГО ТРАКТАТА

09.00.03 – история философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Томск – 2014

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» на кафедре истории философии и логики.

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Суровцев Валерий Александрович

Официальные оппоненты:

Донских Олег Альбертович, доктор философских наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образование «Новосибирский государственный университет экономики и управления», кафедра философии, заведующий кафедрой

Малышкин Евгений Витальевич, кандидат философских наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образование «Санкт-Петербургский государственный университет», институт философии, доцент

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»

Защита состоится 14 мая 2014 года в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.01, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (учебный корпус № 4, аудитория 306).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан «___» марта 2014 г.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ:
http://www.tsu.ru/content/news/announcement_of_the_dissertations_in_the_tsu.php

Ученый секретарь
диссертационного совета Эннс Ирина Андреевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Историко-философское изучение этики Л. Витгенштейна представляет собой важнейший шаг на пути определения роли философа в становлении современной философии (как аналитической, так и континентальной). Наибольший интерес представляет взаимосвязь этики Витгенштейна – которая, наряду с философией религии и эстетикой, формирует общее предметное поле – с проблемами онтологии, логики и семантики, занимающими центральное место в философии Витгенштейна. Витгенштейн в «Логико-философском трактате» (далее – Трактат), в последующих текстах и письмах постулировал эту взаимосвязь, практически никак её не разъясняя. Следовательно, необходимо реконструировать те первичные интуиции Трактата, которые лежат в основе логических разработок философа и одновременно – в основе его записей об этике и религии. Данные интуиции составляют существо постметафизики Витгенштейна (как раннего, так и позднего периода). Постметафизика Витгенштейна подразумевает сведение традиционных философских проблем к исследованию способов функционирования языка и определяет целый ряд направлений современной мысли. Имеющиеся до настоящего времени реконструкции этических и религиозных взглядов Витгенштейна неполны, так как в них не учитывается, или учитывается ограниченно, общий постметафизический контекст. Все работы, в которых рассматривается этика Витгенштейна, сводятся либо к прямым реконструкциям и сравнениям с этическими системами прошлого (Аристотель, Спиноза, Юм, Кант), либо к изучению места Витгенштейна в теологическом и этическом контексте двух последних веков, либо – к проблемам феноменологии религиозного и этического опыта. Некоторые исследователи сопоставляют этику Витгенштейна с этикой Другого Э. Левинаса или, например, с некоторыми разработками К. Ранера. Все это может пролить свет на отдельные фрагменты и особенности, но, по нашему мнению, полную и непротиворечивую трактовку этических взглядов Витгенштейна невозможно предложить вне общего контекста постметафизики Трактата. Если будет установлено отношение постметафизики к этике в философии раннего Витген-

штейна, то, учитывая общие для Витгенштейна постметафизические интуиции, нетрудно будет распространить соответствующие результаты и на философию Витгенштейна позднего периода, что задает значительную исследовательскую перспективу. Кроме отмеченной принципиальной новизны поставленных в настоящем исследовании задач отметим также, что интерес историков философии к этической проблематике в философии Витгенштейна возник не так давно, значительно позже 1951 года (год смерти философа), а именно: после публикации его личных дневников времен первой мировой войны, воспоминаний близко знавших его друзей и учеников, а также после публикации сборника «Культура и ценность» (издатель и редактор – Г. фон Вригт). Сюда необходимо добавить и долгое время считавшиеся утерянными дневники философа 1930-1932 и 1935-1937 годов, которые впервые были опубликованы в 1997 году. Записи, краткие заметки и афоризмы Витгенштейна, касающиеся религии, этики, эстетики (Витгенштейн, как уже было нами отмечено, имел основания обсуждать проблемы религии, этики и эстетики как если бы они относились к одному и тому же предмету) не могли до момента публикации названных источников сформировать отдельной области исследования. Сегодня проблема адекватной реконструкции этики Витгенштейна – одна из главных в рамках изучения его философского наследия.

В какой степени разработана тема. Интерес исследователей к этике и этико-религиозным взглядам Витгенштейна в последние два-три десятилетия остается на стабильно высоком уровне. Необходимо отметить значительную неоднородность имеющихся здесь исследований. Наибольшего внимания заслуживают работы, в которых предпринимается попытка разъяснить замечания Витгенштейна из области этики или философии религии в рамках общего контекста его философии. Сюда можно отнести работы Н. Малкольма, А. Бадью, Х.Х. Аларкона и К.С. Пандея[1]. Н. Малкольм продолжает традицию, связанную с отождествление взглядов позднего Витгенштейна на религию с фидеизмом,

[1] Malcolm N. Wittgenstein: a Religious Point of View. London, 1993; Badiou A. Wittgenstein's Antiphilosophy. London and New York, 2011; Pandey K.C. Religious Beliefs, Superstitions and Wittgenstein. New Delhi, 2009; Аларкон Х.Х. Религия и релятивизм во взглядах Людвига Витгенштейна. Екатеринбург, 2011.

для которой решающую роль играли работы Д.З. Филлипса, но относится к ней критически. Для настоящей диссертации, посвященной философии преимущественно раннего Витгенштейна, данная исследовательская традиция имеет значение в качестве первого прецедента изучения этики Витгенштейна в связи с другими темами его философии. В работах Х.Х. Аларкона и К.С. Пандея, хотя данные исследователи также целостно подходят к проблеме, реконструкция философии Витгенштейна в области логики, математики и философии психологии остаются, несмотря на значительные усилия и множество результатов, мало связанными с этикой философа. А. Бадью внес существенный вклад в решение проблемы взаимосвязи этики и философии Витгенштейна. При этом А. Бадью рассматривает философию Витгенштейна как антифилософию или антиметафизику, что, несмотря на принципиальные и подробно прописанные разногласия, имеет наиболее близкое отношение к предмету, цели и задачам настоящей диссертации. Исследовательский проект А. Бадью страдает, прежде всего, двумя упущениями: философия Витгенштейна путем частичного искажения произвольно встраивается в контекст того, что А. Бадью называет антифилософией и, кроме того, А. Бадью практически солидаризуется с теми исследователями, которые утверждают, что этическое для Витгенштейна оформляется в отдельную область, отличную от эмпирического мира. Данную позицию – среди исследователей, которые занимались этикой Витгенштейна вне связи с общим контекстом философии Витгенштейна – также разделяют Л. Хьюис, К.С. Пандей и так называемые «новые витгенштейнианцы»[2]. Их интерпретации в основном связаны с попыткой реабилитировать религию и/или этику, определив ей соответствующую более-менее независимую от остального мира область. Среди работ, критически настроенных к данной трактовке (к которым принадлежит и настоящая диссертация) наибольшее значение имеют работы

[2] Hughes L. ‘If there is any value that does have value, it must lie outside the whole sphere of what happens and is the case’. (Tractatus 6.41) // In Search of Meaning: Ludwig Wittgenstein on Ethics, Mysticism and Religion. Karlsruhe, 2009. P. 51-66; о «новых витгенштейнианцах» – у Я. Хинтикки: Hintikka J. What Does the Wittgensteinian Inexpressible Express? // The Harvard Review of Philosophy. 2003. XI. P. 9-17.

Дж. Агамбена и С. Баррета[3]. Иные исследования, так или иначе затронутые в настоящей диссертации, связанны с отдельными проблемами в области философии Витгенштейна. Следует также упомянуть работы, специально посвященные проблеме метафизики/ постметафизики Витгенштейна. Это работы П. Хорвича, П. Джонстона, Х. Патнема, Л. Сасс, Дж. Шульте и В. Янга[4]. С тем или иным аспектом этики Витгенштейна связаны работы П. Кампица, У. Арнсвальда, Р.Н. Аррингтона, С. Даймонда, Т. Кляйна и В. Планта[5]. Необходимо также отметить исследователей, научная работа которых сформировала отечественный контекст изучения философии Витгенштейна. Прежде всего, сюда относятся работы В.А. Суровцева, В.В. Бибихина и З.А. Сокулер. При обсуждении взаимосвязи этики с элиминацией субъект-объектного отношения, а также при обсуждении влияния А. Шопенгауэра на Витгенштейна, которому посвящена третья глава настоящего диссертационного исследования, важную роль сыграли работы П. Гарднера, Дж. Черчилл, Д.А. Вайнера и Я. Хинтикки[6].

---

[3] Агамбен Дж. Грядущее сообщество. М., 2008; Barrett C. Wittgenstein on Ethics and Religious Beliefs. Oxford; Cambridge, MA, 1991.

[4] Horwich P. Wittgenstein's Metaphilosophical Development // Wittgenstein's Lasting Significance (Edited by Max Kölbel and Bernhard Weiss). London and New York, 2004. P. 98-107; Johnston P. Wittgenstein: Rethinking the Inner. London and New York, 1993; Putnam H. Metaphysical / Everyday Use: a Note on a Late Paper by Gordon Baker// Wittgenstein and His Interpreters: Essays in Memory of Gordon Baker / ed. by G. Kahane, E. Kanterian and O. Kuusela. Oxford, 2007. P. 169-173; Sass L. Deep Disquietudes: Reflections on Wittgenstein as Antiphilosopher // Wittgenstein: Biography and Philosophy / ed. by James C. Klagge. Cambridge, 2001. P. 98-155; Schulte J. Ways of Reading Wittgenstein: Observations on Certain Uses of the Word 'Metaphysics'// Wittgenstein and His Interpreters: Essays in Memory of Gordon Baker / ed. by G. Kahane, E. Kanterian and O. Kuusela. Oxford, 2007. P. 145-168; Young W. (Thoughts about) The Relation Between Metaphysics and Logic in the Tractatus // Wittgenstein. The Vienna Circle and Critical Rationalism. Vienna, 1979. P. 199-202.

[5] Кампиц П. Хайдеггер и Витгенштейн: критика метафизики – критика техники – этика // Вопросы философии. 1998. № 5. С. 49-55; Arnswald U. The Paradox of Ethics – 'It leaves everything as it is' // In Search of Meaning: Ludwig Wittgenstein on Ethics, Mysticism and Religion. Karlsruhe, 2009. P. 1-24; Arrington R.L. 'Theology as grammar': Wittgenstein and some critics // Wittgenstein and Philosophy of Religion / Ed. by R.L. Arrington and M. Addis. London, New York, 2001. P. 167-183; Diamond C. Introduction to 'Having a rough story about what moral philosophy is' // The Literary Wittgenstein / Ed. by J. Gibson and W. Huemer. London and New York, 2004. P. 127-132; Klein T.W. How Things Are in the World. Metaphysics and Theology in Wittgenstein and Rahner. Milwaukee, 2003; Plant B. Wittgenstein and Levinas. Ethical and religious thought. New York, 2005.

[6] Гардинер П. Артур Шопенгауэр: философ германского эллинизма. М., 2003; Черчилл Дж. Идеи Шопенгауэра в творчестве Витгенштейна : (реферат Л. В. Ивановой) // Новейшие тенденции в современной аналитической философии. М., 1985. С. 111-118; Weiner D.A. Genius and Talent: Schopenhauer's Influence on Wittgenstein's Early Philosophy. London, 1992; Hintikka J. On Wittgenstein's 'Solipsism' // Essays on Wittgenstein's Tractatus / Ed. by Irving M. Copi and R.W. Beard. New York, 1966. P. 157-161.

При изучении влияния Л. Толстого на этические и религиозные взгляды Витгенштейна широко исследовались соответствующие первоисточники: трактаты и дневники Л. Толстого. Значительную роль здесь сыграли работы В.В. Бибихина.

Объектом исследования является философия раннего Витгенштейна. **Предметом исследования** выступает этика и ее взаимосвязь с постметафизикой (иными словами, этика в контексте постметафизики) в рамках философии раннего Витгенштейна. **Цель исследования** заключается в реконструкции этики и этико-религиозных взглядов Витгенштейна в контексте общего постметафизического проекта Витгенштейна. Поставленная цель достигается посредством решения следующих **задач исследования**:

1. Выделение наиболее значимых черт постметафизики Трактата.

2. Выявление специфики этики раннего Витгенштейна; выявление особенностей взаимосвязи между этико-религиозными взглядами Витгенштейна и наиболее значимыми положениями его постметафизики.

3. Рассмотрение влияния работ А. Шопенгауэра на этику раннего Витгенштейна в рамках проблемы элиминации субъекта.

4. Выявление этического содержания понятия Витгенштейна «мой мир» в контексте религиозно-философских работ Л. Толстого.

Методология исследования. Диссертация представляет собой историко-философское исследование, для выполнения которого были применены следующие методы:

1. Метод контекстуального анализа важнейших понятий и тезисов исследуемых первоисточников; источниковедческий анализ.

2. Метод сравнительного анализа различных теоретических построений, позволяющий выявить изменения в содержании предмета исследования;

3. Метод историко-философской реконструкции, позволяющий выявить основные черты специфики исследуемого предмета.

Новизна научных результатов. Настоящая диссертация представляет специальную реконструкцию этики Витгенштейна, впервые осуществленную с

учетом и в общем контексте постметафизики Трактата. В ходе данной реконструкции впервые показан этический смысл, заложенный в «солипсистскую» позицию раннего Витгенштейна, а также впервые ясно специфицировано влияние Шопенгауэра и Л. Толстого на этические взгляды Витгенштейна в связи с понятием «моего мира».

Результаты настоящего исследования определяют следующие **основные положения, выносимые на защиту**:

1. Основным фундаментальным понятием постметафизики раннего Витгенштейна выступает понятие внутренних отношений. Внутренние отношения эксплицируются Витгенштейном в целом ряде первостепенных различий: объекта и положения вещей, положения вещей и факта, мира и языка (принцип изоморфизма мира/языка), логической формы предложения и фактическим предложением, осмысленным и бессмысленным предложением, субъектом и объектом. Кроме того, внутренние отношения лежат в основе элиминации таких проблем, как проблема определения тождества, проблема самореферентных суждений и других. Главной характеристикой внутренних отношений является их априорный, не-произвольный характер. Из этого следует онтологический статус критерия осмысленности (разделения предложений на осмысленные и бессмысленные), который играет решающую роль в описании Витгенштейном природы этических и религиозных суждений.

2. Поскольку осмысленное предложение априорно, то есть на уровне внутренних отношений, находится в согласовании с положением вещей (потенциально положение вещей, нем. der Sachverhalt, есть факт), то все предложения этики являются бессмысленными, что, однако, не приводит к отрицанию Витгенштейном религии, этики или мистического опыта: если предел выражению мысли поставлен изнутри языка на уровне внутренней связи языка с онтологией мира, то невыразимость (бессмысленность) этического, мистического и божественного, постулированная Витгенштейном, имеет сущностный характер. Нами выявлено, что в рамках постметафизики Трактата, этот сущностный ха-

рактер этического и религиозного не может пониматься в качестве указания на отдельную от фактического мира реальность этики. Опыт этического, описанный Витгенштейном в «Лекции об этике» является опытом «встречи» с тем пределом – невозможностью выхода за границы мира/языка – который релевантен принципу изоморфизма и внутреннему различию между осмысленными и бессмысленными предложениями.

3. Следующее положение касается влияния Шопенгауэра на Витгенштейна в контексте этического значения элиминации субъекта. Решающим понятием, посредством которого Витгенштейн элиминирует субъект, выступает понятие «моего мира»: и мир, и Я есть «мой мир». Свобода от субъекта, обретаемая, согласно Шопенгауэру, через отказ от воли к жизни и, соответственно, через «устранение» разницы между волей как вещью в себе и субъектом как явлением воли (при котором субъект обязательно вписан в субъект-объектное отношение) на уровне решающей интуиции играет существенную роль в том, каким образом Витгенштейн преодолевает субъект-объектное отношение и элиминирует субъект. Витгенштейн, тем не менее, отказывается от различия вещи в себе и явления, отказывается от метафизического понимания воли как сущности мира. Для Витгенштейна полнота добра в настоящем в «моем мире» исходно присутствует (в этом состоит радикально этический смысл понятия моего мира), и только после происходит отступление от полноты в мнимое и несвободное волевое отношение субъекта к миру. У Шопенгауэра же воля существует изначально. Остальное, в том числе (само)познание и преодоление воли, вместе с устранением субъект-объектного отношения, происходит на общем метафизическом фоне воли как сущности мира. В ходе исследования мы констатируем относительный характер влияния Шопенгауэра на Витгенштейна в вопросе о преодолении субъект-объектного отношения (и субъекта) и обозначаем существенную независимость Витгенштейна от Шопенгауэра.

4. Кроме общего трансцендентально-семантического значения понятие «моего мира» может быть рассмотрено как правило жизни. Оно связано с мно-

жеством замечаний Витгенштейна, носящих прямо этический характер. Сюда относятся: представление о правильной и хорошей жизни и критическое отношение к разного рода экзистенциям (страх смерти, надежда, поиск смысла жизни). Преодоление субъекта в «моем мире» свидетельствует об ограниченности и бесполезности (в плане их этического и/или теологического использования) граничных опытов беспредметного мира и соответствующей им феноменологии. Они являются конститутивными для субъекта, для которого нет и не может быть выхода из «клетки» мира/языка в пространство этического и/или божественного «как такового». Наибольшее влияние на этико-религиозные взгляды раннего Витгенштейна оказал здесь Л. Толстой. Витгенштейн унаследовал от Толстого представление о различии между жизнью по плоти и жизнью в духе. Жизнь в духе включает игнорирование своей индивидуальности в пользу единственной реальности подлинного Я (моего мира). Наиболее общий для Витгенштейна и Толстого контекст – теологический. Заключительную констатацию Трактата часто понимали по аналогии с апофатическими суждениями отрицательной теологии, что, по нашему мнению, неверно. Молчанием заключительной констатации Трактата не специфицируется отдельная область-реальность этики или религии. И для Витгенштейна, и для Толстого (и опять в этом контексте Толстой помогает правильно интерпретировать Витгенштейна) такая спецификация в области религиозной веры приводит к тому, что на месте Бога оказывается идол (субъективное представление или экзистенция). В случае с апофатикой – идол непознаваемого и/или невыразимого бога. Для Витгенштейна невыразимость этического и божественного относится только к языку и к одной с ним реальности фактического мира.

Практическая значимость результатов исследования. Результаты, полученные в ходе настоящего исследования, могут быть использованы для дальнейшего изучения этико-религиозных взглядов Витгенштейна в контексте его постметафизики (в частности, – могут быть применены к позднему периоду), для конкретизации и исследования общей историко-философской проблемы взаимо-

связи этики и метафизики, а также открывают перспективы для изучения места Витгенштейна в контексте этических и теологических представлений XX века.

Результаты настоящего исследования могут быть использованы в учебных курсах и спецкурсах, посвященных философии Витгенштейна, проблемам этики и постметафизики.

Апробация исследования. Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в публикациях автора (в том числе в 6 статьях, опубликованных в журналах, указанных в перечне ВАК Минобрнауки России) и докладывались на Всероссийской научной конференции с международным участием «III Сибирский философский семинар», 2013 г., а также на Днепропетровской сессии Всеукраинской научно-практической конференции с международным участием, 2013 г. Основные достижения и результаты исследования обсуждались на Московских летних институтах по богословию и науки в 2011-2012 г., на Всероссийской философской школе «Синергийная антропология как метод анализа и стратегия сдерживания антропологических и глобальных рисков современности», 2013 г., а также на теоретическом семинаре кафедры истории философии и логики Философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, разделенных на параграфы, заключения и списка использованной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность проблемы, определена цель, сформулированы задачи исследования, раскрыты научная новизна и практическая значимость работы, представлены основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Основные положения Логико-философского трактата» дается экспозиция основных понятий «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна в перспективе выявления определяющих черт его постметафизики. Вначале дается общее представление об онтологии «Логико-философского трактата», вводится понятие предложения (der Satz), разбирается критерий осмысленности, специально рассматривается понятие внутренних отношений. Далее дается ряд необходимых примеров к использованию внутренних отношений: разбирается критика Витгенштейном экстенсиональных функций Рамсея в контексте проблемы определения тождества, и, на примере жергонновых отношений, поясняется понятие «оснований истинности» из афоризма 5.101 Трактата.

В первом параграфе «Определение понятий метафизики/постметафизики и антифилософии» уточняется понятия постметафизики. Критически рассматривается предложенное А. Бадью понимание Витгенштейна как антифилософа и антиметафизика. Обосновывается неадекватность термина «антиметафизика», а также неадекватность основных черт постметафизики Трактата, предложенных А. Бадью. Предлагаются другие основные характеристики постметафизики Витгенштейна, согласно которым: 1. Постметафизика мыслит внутреннее отношение между вещами там, где метафизика мыслит такое отношение в качестве отношения внешнего; 2. Различие, проведенное в Трактате между осмысленными предложениями и бессмыслицей (оно в том числе позволяет отстранить вопросы-проблемы метафизики), – это не произвольное различие; оно отражает логику языка и проводится исходя из постметафизической установки. Во втором параграфе «Основные понятия Трактата: объект, положение вещей, факт, элементарное предложение» исследуется взаимозависимость фундаментальных

понятий «Логико-философского трактата»: объекта, положения вещей, факта и элементарного предложения. Для объекта не существенны свойства, но только возможность быть составной частью der Sachverhalt (положения вещей). Знать объект – значит знать все его возможности вхождения в положения вещей, следовательно, если даны целиком все объекты, тем самым даны и все положения вещей, т.е. все возможные миры. Если конкретная возможность или конкретный факт могут существовать или не существовать, то объект – необходим, иначе из логики была бы устранена онтология. Требование простых объектов есть требование определенности мира. Так и требование простого знака, имени, замещающего в предложении объект, есть требование определенности смысла. Относительно элементарного предложения установлено, что оно в качестве образа реальности предложение на внутреннем уровне (что значит – априорно) показывает возможное положение вещей. Такое внутреннее отношение обеспечено общей для реальности и для предложения формой отображения (или, для логических предложений, логической формой). Здесь имеет место так называемый изоморфизм мира/языка. Но кроме того, что предложение отображает (показывает) возможное положение вещей, оно еще и утверждает, на внешнем уровне, что означает возможность проверки и определения утверждения на истинность/ложность, существование определенного положения вещей в действительности. В третьем параграфе «Смысл/бессмыслица и внутренние отношения» эксплицируется данный в Трактате критерий осмысленности: предложение бессмысленно, если оно не отображает положения вещей. Понимать смысл предложения – всё равно что видеть, какое положение вещей ему соответствует. Иными словами, понимать предложение значит знать, что имеет место в случае, когда предложение истинно, поэтому предложение может быть истинным или ложным только в качестве образа действительности. Осмысленное предложение заранее и всегда соответствует миру. Только «после» соответствия возможно «проверить», действительно ли (по факту) оно ему соответствует, т.е. существует ли уже существующее в качестве возможности положение вещей. В свою очередь, предложения логики, хотя и лишены смысла (lack sense),

однако, не бессмысленны (nonsense), так как они выражают, обнаруживают, или точнее, показывают логическую форму. В данном параграфе также выделены различные типы бессмысленных предложений. Дается обзорная и уточненная характеристика понятия внутренних отношений. Различие между отображением и утверждением, иначе оно может быть сформулировано как различие между сказом и показом (то, что может быть сказано, не может быть показано), является главным выразителем внутренних отношений (и, следовательно, составляет сердцевину постметафизического проекта Трактата). То обстоятельство, что осмысленное предложение изображает действительность через общую с ней неэксплицируемую логическую форму (она может быть названа также логической структурой), свидетельствует о внутреннем характере отношений между языком и миром. Тезис, что предложение не способно высказать то, благодаря чему оно вообще высказывает нечто, постулируется в Трактате как самоочевидный. Кроме того, принцип, согласно которому предложение всегда нечто утверждает и благодаря которому, соответственно, возникает «требование» определить предложение на истину/ложь, сам находится во внутреннем отношении к отображению. Таким образом, отношение между миром и языком, на котором базируется критерий осмысленности, является неэксплицируемым, т.е. внутренним и априорно данным. В четвертом параграфе «Иллюстрации к понятию внутренних отношений: проблема тождества, теория следования и преодоление «парадоксов» материальной импликации» в качестве более глубокого изучения природы внутренних отношений, составляющих сердцевину постметафизики Трактата, рассмотрен спор относительно проблемы определения знака тождества. В центре внимания оказываются определения тождества, данные Б. Расселом (с помощью предикативных функций) и Ф.П. Рамсеем (с помощью экстенсиональных функций), а также критические замечания Витгенштейна по поводу обоих определений. Витгенштейн в частности показывает, что игнорирование внутреннего отношения мира и языка, или, другими словами, проблемы отношения семантики к онтологии (экстенсиональные функции как раз заданы вне этой проблемы) приводит к бессмыслице. В данном параграфе в связи

с понятием внутренних отношений также изучены замечания Витгенштейна о природе логического следования и логических операций. Логические операции, согласно Витгенштейну, не могут задаваться произвольным, внешним способом, когда некоторое правило применяется к тем фрагментам-частям мира, которые, возможно, не имеют между собой никакой связи. Только зная структуру предложений, имеет смысл заключать, следует одно из них из другого или не следует. В пятом параграфе «Проблема отношения между этикой и постметафизикой в философии Витгенштейна» определяются пути дальнейшего исследования. Обосновывается тезис о том, что тщательное рассмотрение существа внутренних отношений, а также различия между осмысленными предложениями и бессмыслицей позволяет сформулировать проблему взаимосвязи между философией логики, этикой и отдельными замечаниями Витгенштейна о природе религиозного опыта.

Во второй главе «Этика и постметафизика» исследуются записи Витгенштейна, касающиеся проблем этики, религии и религиозного опыта. Дается их истолкование в контексте постметафизики Трактата.

В первом параграфе «Черты этического» рассматривается «Лекция об этике» Витгенштейна. Основные ее положения можно свети к трем тезисам. 1. К этическими Витгенштейн относит только те суждения, которые претендуют на то, чтобы быть абсолютными. Суждения об относительной ценности редуцируемы к простым суждениям о фактах. 2. Этические суждения невозможны или, иначе, бессмысленны, так как не могут в принципе соответствовать никакому положению вещей. 3. Этика свидетельствует о границе языка (и, соответственно, мира) и по своему существу есть опыт такой границы. Кроме того, поскольку различие между осмысленным предложением и бессмыслицей основывается на онтологии мира и, значит, не является произвольным, опыт границы-предела не может быть сведен к психологическим аффектам. Во втором параграфе «Опыт беспредметного мира и/или необратимо профанный мир» рассматривается то, *что* Витгенштейн называет удивлением существованию мира. Показано, что опыт предела языка (базирующийся на различии между осмыс-

ленными и бессмысленными предложениями) совпадает с опытом удивления существованию мира (или, другими словами, с опытом видения мира как целого и/или как чуда). Основные положения параграфа можно резюмировать в нескольких тезисах. 1. Определение смысла и различие между осмысленным предложением и бессмыслицей, данные в Трактате, сохраняют своё решающее значение и для этики. Этическое, божественное, мистическое оказываются отдельным «видом» бессмыслицы и описываются через опыт удивления тому, что мир как целое (вне-объектный, беспредметный мир) существует, а также через опыт предела, на который натыкаются любые попытки в обход различия смысла и бессмыслицы придать смысл суждениям об абсолютной ценности. Этика невыразима в языке, потому что суждения осмысленны, только будучи суждениями о фактах. 2. Различие между смыслом и бессмыслицей неразрывно связано с конститутивным для этики и религии опытом беспредметного мира (как целого) и совпадающим с ним опытом границы-предела языка. За пределы-границы языка и мира выйти невозможно. Опыт беспредметного мира или языка «как такового» (вне фактических предложений) свидетельствует не более чем о внутреннем пределе самого мира/языка. 3. Мир фактов имеет необратимо профанный характер, что является единственным этическим «откровением». Неправильно рассматривать описанный опыт беспредметного мира (в обход внутреннему различию между смыслом и бессмыслицей) в качестве намека на отдельную реальность мистического или отдельную область (иной мир) этики и/или религии. В третьем параграфе «Трансцендентальное и то, что показывает себя» обсуждается проблема отношения различия между сказом и показом к сфере этического. Различие между сказом и показом имеет непосредственное отношение только к логике Трактата. А именно, к тому, что логическая форма предложения не может быть высказана в предложении, так как она сама есть условие всякого предложения. Хотя Витгенштейн и говорит о «вещах», которые не могут быть выражены, следует предполагать здесь метафору, так как все вещи, объекты, предметы уже вошли в мир. А мир как целое – уже не вещь. Однако, несмотря на вышесказанное, невыразимое (нетождественное показы-

ваемому) все-таки имеет отношение к этическому, но отношение это не-прямое и опосредуется общим характером внутренних отношений. В четвертом параграфе «Витгенштейн о понятии «Бога» рассматриваются записи Витгенштейна, которые имеют отношение к пониманию им «бога» в рамках общего теологического контекста XX века. Для Витгенштейна, когда он говорит о Боге, имеет место либо прояснение опыта границы-предела мира/языка, либо установление грамматики (мы воспользовались понятием «позднего» Витгенштейна) слова «Бог». Одно подразумевает другое. Важную роль играют два типа различий. Первое – между религиозным наполнением и выражением (бессмысленным) мистического опыта мира (и сопряженных «переживаний») и непосредственно самим этим опытом. Второе различие касается природы опыта беспредметного мира, в котором мир как целое может отождествляться с «Богом», и Богом (различие между что и кто). Решающим для Витгенштейна, по нашему мнению, является второе различие. Оно прямо связано с необратимо профанным характером мира. Как обыденный мир не может быть искуплен «смыслом мира», находящимся за его пределами, потому что само это вне-за не может быть нигде, кроме как внутри профанного мира (на уровне его границы, и поэтому, согласно Витгенштейну, невозможно преодолеть «клетку» нашего языка), так и Бог, находящийся за пределами мира, остается неведомым Богом. Иными словами, Бог, находящийся за пределами мира, либо остается неведомым, либо становится идолом. Кроме того, в данном параграфе предложена отдельная интерпретация последнего афоризма Трактата и особой роли молчания в этике Витгенштейна. Поскольку границы смыслу положены как бы внутри самого мира – мир такой, что все факты в нем равноценны – постольку опыт мира как целого (опыт беспредметного мира), оказывается «пустым». Он только указывает на то, что «смысл мира» должен лежать за пределами мира, но при этом нет никакого за-пределами-этого-мира. Поэтому представления о Боге не могут предполагать никакого иного Бога, кроме уже описанных Витгенштейном опытов-переживаний. Бог-за-пределами-мира либо абсолютно неизвестен (не в смысле апофатической непознаваемости), либо – удобный тому или иному сообществу

идол. Если мы понимаем логику нашего языка, из которой стало ясно, что кроме фактического смысла никакого другого нет, тогда мы неизбежно храним молчание относительно «Бога» и опыта беспредметного мира.

В третьей главе «Витгенштейн, Шопенгауэр, субъект» рассматривается этический смысл, заложенный в понятие «моего мира», данное в Трактате, а также – связанный с ним «солипсизм» Витгенштейна. Также дается ответ на вопрос, в какой мере философия А. Шопенгауэра оказала влияние на представления Витгенштейна о субъекте.

В первом параграфе «Солипсизм Витгенштейна и субъект-объектное различие» показано, что Витгенштейн отказывается от субъект-объектного отношения. Мир не составлен из вещей-объектов, и этим ставится под сомнение второй коррелят субъект-объектного отношения. С другой стороны, субъект не находится внутри мира, следовательно, любое суждение о субъекте является бессмыслицей. Но субъект также не находится и вне мира, потому что выход за пределы мира невозможен ни в каком случае. Любое рассуждение, берущее предпосылкой субъект-объектное отношение представляет его в качестве отношения внешнего, тогда как единственная возможность говорить об отношении субъекта к миру, согласно Витгенштейну, заключается в сведении субъекта к Я и в отождествлении Я и мира в понятии «моего мира». Витгенштейн называет солипсизмом позицию, согласно которой мир есть «мой мир». В понимании Витгенштейна такой солипсизм совпадает с реализмом: поскольку мир есть «мой мир» и Я есть «мой мир» (так определено в Трактате), то нет ничего, кроме «моего мира», т.е. нет отдельно мира и отдельно Я. Можно сказать, что Я и мир находятся во внутреннем отношении и отождествляются в «моем мире». Во втором параграфе «Жизнь в настоящем как одно из центральных понятий этики Витгенштейна» исследуется понятие (и его этический смысл) Витгенштейна «жизнь в настоящем», к которому он множество раз возвращается в своих военных дневниках. Говоря о жизни-в-настоящем, Витгенштейн в ином контексте продолжает мысль о том, что Я и мир есть «мой мир», следовательно, подтверждает исходную отмену субъекта. В данном контексте отмена субъекта

заключается в анализе человеческих стремлений-желаний и страхов. Страх смерти, желание счастья и др. оказываются не жизнью-в-настоящем, они, согласно Витгенштейну, сопровождают плохую, несчастную и ложную жизнь. Этический императив Витгенштейна «живи счастливо!» подразумевает жизнь-в-настоящем. Чтобы жить счастливо и в настоящем, человек обязан избавиться от страха смерти, надежды на счастье и окончательно решить проблему жизни через обнаружение того, что этой проблемы (загадки жизни) не существует. В третьем параграфе «Воля и/или желание в пространстве между Я и миром» доказывается, что устранение субъект-объектного отношения через отношение Я и мира в «моём мире» подразумевает у Витгенштейна отказ от понятия «воли». Мест*а* военных дневников Витгенштейна, где присутствуют размышления о воле или желании, следует принимать как работу над преодолением Шопенгауэра. Добрая/злая воля относится к субъекту как границе мира (а граница мира, данная в опыте беспредметного мира, не может быть сущностно отлична от мира фактического), но не к поступкам, направленным на мир и, тем более, не к миру. Проблема отношения воли к добру и злу исчерпывается тезисом, согласно которому мир доброго и счастливого человека будет другим, нежели чем мир злого и несчастного. Отсюда, собственно этика Витгенштейна во многом определяется проблемой того, сумел ли человек преодолеть субъект-объектное отношение. Кроме того, в данном параграфе показано, что «подлинная свобода», обретаемая, согласно Шопенгауэру, через отказ от воли к жизни и, соответственно, через устранение разницы между волей как вещью в себе и субъектом как явлением воли (при котором субъект обязательно вписан в субъект-объектное отношение) на уровне решающей интуиции играет роль в том, как Витгенштейн преодолевает субъект-объектное отношение в «моем мире». Кроме этой общей интуиции мы не может установить другого влияния Шопенгауэра на Витгенштейна в области этики и представления о субъекте. Однако, Витгенштейн отказывается от различия вещи в себе и явления, отказывается от метафизического понимания воли как сущности мира. В свою очередь, все это приводит и к более радикальному различию: для Витгенштейна полнота добра

в настоящем «моем мире» есть исходно, и только после – отступление от полноты в мнимое и несвободное волевое отношение субъекта к миру. У Шопенгауэра же изначально существует воля. Самопознание и преодоление этой воли, вместе с устранением субъект-объектного отношения, происходит у Шопенгауэра только на этом общем метафизическом фоне. Также в данном параграфе выявлены причины, по которым Витгенштейн наделяет любовь характеристиками, отличными от характеристик воли и желания. Необязательно не-желание есть необходимое условие «моего мира». Все зависит от того, как понимать не-желание, в предельных случаях стремление к нему разрушает «мой мир».

В четвертой главе «Витгенштейн, Толстой, жизнь в настоящем» подробно исследуется влияние Л. Толстого на этику и отношение к религии раннего Витгенштейна. Многие замечания Витгенштейна об этике и религии прочитываются (приводятся обоснования для такого прочтения) в контексте религиозно-философских сочинений Толстого.

В первом параграфе «Равноценность фактов» доказывается, что различные положения религиозной философии Толстого легко субсуммируются в центральном для него понятии жизнь-в-духе, и что важнейшее для Толстого различие жизни в духе и жизни по плоти включает в себе независимость Я от мира фактов, что, в свою очередь, влечет определенное понимание свободы, отличное, например, от Шопенгауэрова не-желания. С другой стороны, различие требует, поскольку Я для Толстого становится единственным носителем этического, признания равноценности фактов и независимости этического/религиозного от фактического, обыденного. Толстой и Витгенштейн одинаково понимают равноценность фактов. Убийство само по себе не является ни добром, ни злом, представление убийства в качестве (абсолютного) зла ведет к искажению равноценности событий и к неверному представлению об этике. Во втором параграфе «Понятие моего мира и работы Л. Толстого». показано, каким образом Витгенштейн унаследовал от Толстого представление о различии между жизнью по плоти и жизнью в духе. Жизнь в духе включает игнорирование своей индивидуальности в пользу единственной реальности подлинного Я («моего

мира»), которое состоит в растворении себя в мире, в том числе – в служении другим людям. Кроме того, в данном параграфе показано, что жизнь в согласии с миром для Витгенштейна – это жизнь счастливая. Поскольку согласие означает здесь элиминацию субъекта и связано с понятием «моего мира», то необходимым образом жизнь-в-настоящем возможна только в и через подлинное Я. Поэтому она не является одним из субъективных, вторичных переживаний временности. Но и для Толстого жизнь в духе (в настоящем Я) требует жизни в настоящем. Таким образом, если исключить, вынести за скобки, необязательные (в том числе для Толстого) религиозные коннотации, то Витгенштейн оказывается удивительно близок Толстому. Уместно о прямом влиянии Толстого на Витгенштейна. В третьем параграфе «Витгенштейн и Толстой об идолослужении» разбирается отношение Толстого и Витгенштейна к теологии и институционализированным теологическим дискурсам. Этот параграф во многом перекликается и дополняет четвертый параграф из второй главы и касается «апофатического богословия». Апофатика продолжает дискурс о Боге через и посредством ссылки на Его невыразимость. Апофатика исходит из явно ложного (из-за односторонности) тезиса о том, что средств языка недостаточно для выражения Бога, или божества. Указанием на невыразимость дается санкция на бесконечный ряд апофатических суждений отрицательной теологии. Согласие с апофатикой, будучи осознано или неосознанно, ведет к признанию реальности, онтологически отличной от мира (как целого) и языка. «Молчание» Витгенштейна направлено, в том числе, на устранение апофатики.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования и обозначаются перспективы дальнейшей научно-исследовательской работы в очерченной предметной области.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России, и рецензируемых периодических изданиях, входящих в международные реферативные базы:

1. Родин К.А. «Не введи нас в искушение»: что знает благодать о порядке символического / К.А. Родин // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Психология. – 2011. – Вып. № 2, т. 5. – С. 98-101. – 0,4 п.л.
2. Родин К.А. Несобственно-прямое действие кинематографа / К.А. Родин // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 4 (16). – С. 116-123. – 0,5 п.л.
3. Родин К.А. Кьеркегор, Витгенштейн: сближающее, общее – в размышлениях о христианстве / К.А. Родин // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 2 (18). – С. 166-172. – 0,5 п.л.
4. Родин К.А. К вопросу о статусе проблемы правилосообразности / К.А. Родин // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 4 (20). – С. 46-52. – 0,5 п.л.
5. Родин К.А. Поэт после Витгенштейна / К.А. Родин // Идеи и идеалы. – 2013. – № 1 (15), т. 2. – С. 16-22. – 0,45 п.л.
6. Родин К.А. Витгенштейн против Геделя: доказанность и доказуемость / К.А. Родин // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2013. – № 4 (24). – С. 163-169. – 0,5 п.л.

Публикации в других научных изданиях:

7. Родин К.А. Субъект не принадлежит миру, он есть его граница / К.А. Родин // Возможна ли нравственность, независимая от религии. – М. : Канон+, 2012. – С. 365-394. – 1,5 п.л.

8. Родин К.А. Пауль Тиллих и Людвиг Витгенштейн о понятии «Бога» / К.А. Родин // Приднепровские социально-гуманитарные чтения : материалы Днепропетровской сессии II Всеукраинской научно-практической конференции. – Днепропетровск, 2013. – Ч. 2. – С. 167-170. – 0,28 п.л.

9. Родин К.А. Критика Витгенштейном определения тождества (равенства) в общем контексте Логико-Философского Трактата / К.А. Родин // Общество знания: философия, управление, образование : сборник статей III Сибирского философского семинара. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. – С. 269-273. – 0,27 п.л.

Подписано в печать 27.02.2014 г.
Формат А4/2. Ризография
Печ. л. 1,15. Тираж 100 экз. Заказ № 2/02-14
Отпечатано в ООО «Позитив-НБ»
634050 г. Томск, пр. Ленина 34а